

Законы прогрессивного развития действуют только в обществе,
где ценятся подлинное образование и культура.

И. Е. Тарапов

УНИВЕРСИТЕТС

НАУКА И ПРОСВЕЩЕНИЕ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2000 года

Свидетельство о регистрации КВ № 10226
от 04.08.2005 г.

Учредитель: Ассоциация выпускников,
преподавателей и друзей Харьковского
национального университета имени В. Н. Каразина
Основатель и первый главный редактор —
проф. И. Е. Тарапов
Издатель: ООО «Редакция газеты "Вечерний Харьков"»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Бакиров В. С. (председатель)
Астахова В. И.
Бандурка А. М.
Белова Л. А.
Богословская И. Г.
Бондаренко М. Ф.
Гриценко В. Н.
Громов Д. Е.
Кагановский А. С.
Ковтун В. И.
Красовицкий А. В.
Кремень В. Г.
Ладыженский О. С.
Лапшин В. И.
Литвиненко Л. М.
Прокопенко И. Ф.
Сапронов Ю. А.
Святаш Д. В.
Семиноженко В. П.
Сидоренко О. Л.
Соловьев В. П.
Сорока Л. С.
Тацій В. Я.
Товажнянский Л. Л.
Шутенко Л. М.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Холін Ю. В. (главный редактор)
Александров Ю. В.
Безхутрый Ю. Н.
Божков А. И.
Гандель Ю. В.
Гаташ В. И.
Гуменюк И. А.
Дьячков С. В.
Ефименко А. В.
Крутлова В. В. (ответственный секретарь)
Куделько С. М.
Лукашова В. Л.
Макаровський М. О.
Мчедлов-Петросян М. О.
Посохов С. І.
Тарапова О. І. (зам. гл. редактора)
Шкода В. В.

Точка зрения редакции может не совпадать с точкой зрения авторов. Рукописи, не принятые к опубликованию, не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за содержание и форму рекламных материалов несет рекламодатель.

НАУКА ТА ПРОСВІТА НАУКОВО-ПОПУЛЯРНИЙ ЩОКВАРТАЛЬНИЙ ЖУРНАЛ

Видается в 2000 року

Свідчення про реєстрацію КВ № 10226
від 04.08.2005 р.

Засновник: Асоціація випускників, викладачів
і друзів Харківського національного
університету імені В. Н. Каразіна
Засновник і перший головний редактор —
проф. І. Є. Тарапов
Видавець: ТОВ «Редакція газети "Вечірній Харків"»

РЕДАКЦІЙНА РАДА:

Бакиров В. С. (голова)
Астахова В. І.
Бандурка О. М.
Белова Л. О.
Богословська І. Г.
Бондаренко М. Ф.
Гриценко В. М.
Громов Д. Є.
Кагановський О. С.
Ковтун В. І.
Красовицький О. В.
Кремень В. Г.
Ладиженський О. С.
Лапшин В. І.
Литвиненко Л. М.
Прокопенко І. Ф.
Сапронов Ю. А.
Святаш Д. В.
Семиноженко В. П.
Сидоренко О. Л.
Соловйов В. П.
Сорока Л. С.
Тацій В. Я.
Товажнянський Л. Л.
Шутенко Л. М.

РЕДАКЦІЙНА КОЛЕГІЯ:

Холін Ю. В. (головний редактор)
Александров Ю. В.
Безхутрий Ю. М.
Божков А. І.
Гандель Ю. В.
Гаташ В. І.
Гуменюк І. О.
Д'ячков С. В.
Єфименко А. В.
Крутлова В. В. (відповідальний секретар)
Куделько С. М.
Лукашова В. Л.
Макаровський М. О.
Мчедлов-Петросян М. О.
Посохов С. І.
Тарапова О. І. (заст. гол. редактора)
Шкода В. В.

Точка зору редакції може не збігатися з точкою зору авторів. Рукописи, не прийняті до опублікування, не рецензуються і не повертаються. Відповідальність за зміст і форму рекламних матеріалів несе рекламодач.

№ 1₍₂₉₎
2007

НАУКА
и общество

- 4 Ярмаиш О. Н., Червяцова А. О.
**Права більшості, права меншості,
демократія: роздуми на тему**
Визнання прав меншості є тим єдиним, що може
захистити суспільство від духовного застою і мораль-
ного виродження. Права меншості, з якими більшість
має рахуватися і які має поважати, зводяться до її
права свого часу стати більшістю.

ИЗ ИСТОРИИ
университетов

- Зарицкий П. В.
56 Эксперименты по «алмазотворению»
В. Н. Каразина и К. Д. Хрущева
и синтезу алмаза других наших земляков

ПОИСКИ
находки, решения

- Бланк Т. А.
10 Красота в науке
Высочайшая похвала, которую теоретик может заслу-
жить, показывая вновь выведенную формулу, это вос-
торженный возглас его коллеги: «Как она красива!»
Павлючкая О. П.
44 Когда еще жили прабабушки Альфа, Бета,
Гамма и прадед Уран
Какими могут стать последствия Чернобыльской
катастрофы для человека и других биологических
видов? Какие генетические изменения вызваны
взрывом на ЧАЭС? Наши современники ищут ответы
на эти вопросы.

ВЕРШИНЫ
вершины

- Матвеева Т. С.
48 Veritas in profundo. І. Я. Франко і Харків
До 150-ліття від дня народження митця,
ученого, громадянина
Григорьева М. В.

- 20 Жан Жак Руссо: штрихи к портрету

СОВРЕМЕННОСТИ
о современности

- Житницкий А. З., Куринная А. В.
74 Удивительный дар влюбленного сердца
Харьковский цирк сквозь призму времени, имен
и судеб...

ПОРТРЕТ
портрет

- Полякова Ю. Ю.
60 Александр Кульчицкий: личность и судьба
Статья посвящена А. Я. Кульчицкому, чей вклад
в историю харьковской журналистики, да и вообще
культуры Харькова хранят пожелтевшие страницы
«Харьковских губернских ведомостей».
Балышев М. А.
34 Людвиг Оттонович Струве
Заметки историка

УРОКИ НА ЗАВТРА
уроки на завтра

- Гірка І. О.
26 «Лучше меньше, да лучше»
в освіті Великої Британії
Реформи освіти в Україні розробляються кимось.
Широкий загал учителів немовби відсторонений від
обговорення нововведень. Йому належить роль статиста,
який хоче чи не хоче, а мусить реформи впроваджувати.

РЕПЕТИТОР
репетитор

- III (обласний) етап Всеукраїнської
72 учнівської олімпіади з історії 2006/2007
навчального року для учнів 8–11 класів
(Харківська область)
КТО, ГДЕ, КОГДА И КАК —
о науке и образовании

- Гаташ В. И.
71 «Галилей» назвал победителей
Березюк Н. М.

- 31 В зеркале истории
«Библиотека Харьковского национального
университета им. В. Н. Каразина за 200 лет».
Презентация юбилейного издания

К АВТОРАМ
к авторам

НАШИ АВТОРЫ
наши авторы

АНОНС
анонс

© Название «UNIVERSITATES. Наука и просвещение», 2007
© Редакция, составление, 2007
© Балышев М. А., Березюк Н. М., Бланк Т. А., Гаташ В. И.,
Гірка І. О., Григорьева М. В., Житницкий А. З., Зарицкий П. В.,
Куринная А. В., Матвеева Т. С., Павлючкая О. П.,
Полякова Ю. Ю., Червяцова А. О., Ярмаиш О. Н., 2007

Ю. Ю. Полякова

Александр Кульчицкий: личность и судьба

*Ну что же в том, что был я молод,
Что своеправно так шалил,
Что весело и жар и холод,
И гордо пужду выносил?*
А. Кульчицкий. «Утешение»

Харьковская журналистика конца 30-х — начала 40-х годов XIX века была связана с единственной городской газетой — «Харьковскими губернскими ведомостями». Газета начала выходить в 1838 году и тираж ее поначалу составлял 300 экземпляров. Это был орган местной власти, находившийся под наблюдением губернатора. «Ведомости» выходили сначала еженедельно, с 1857 года — два раза в неделю, с 1868 — три раза, с 1874 по 1915 год — ежедневно. Газета состояла из двух разделов: официального и неофициального. В официальной части публиковались распоряжения центральных и местных властей. Неофициальная включала новости политической, общественной, военной, церковной жизни, науки и литературы. Здесь печатались литературные и публицистические материалы, хроника местной общественной жизни, в том числе музыкальной и театральной. Разумеется, на страницах газеты так или иначе отражались изменения, происходившие в общественно-политической жизни России, хотя она и не помещала материалы, критиковавшие существовавшие порядки

или деятельность отдельных местных чиновников. Единственной дозволенной критикой были рецензии на спектакли и литературные произведения. По насыщенности, научности, серьезности помещаемых в неофициальной части статей «Харьковские губернские ведомости» занимали одно из ведущих мест среди провинциальных газет.

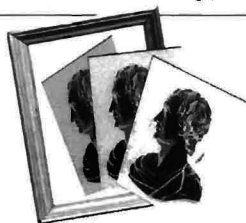
Официальная часть, как правило, подписывалась одним из чиновников канцелярии губернатора, неофициальная до 1852 года выходила без указания фамилии редактора. Видимо, поначалу это была техническая работа: подбор и размещение материалов, редактирование поступивших рукописей. Поэтому возникла некоторая путаница относительно того, кого же следует считать первым редактором газеты. Так, указатель, вынужденный библиотекой имени В. Г. Короленко [24] дать сведения о том, что в 1838–1851 годах газету редактировал барон Корф, а в некоторых других источниках (в книге Клиничина о Мютковской [14, с. 62–63], в воспоминаниях П. Н. Тютчева [23, с. 444]) сказано, что первым редактором ХГВ был

портрет

выпускник Харьковского университета Александр Кульчицкий. Об этом же свидетельствует и ссылка на формулярный список, находящийся в Центральном государственном историческом архиве (Ф. 1349, оп. 4, 1841 г., д. 325), которая содержится в посвященной Кульчицкому статье биографического словаря «Русские писатели»: с янв. 1841 г. тит. сов.: с марта — в «должности редактора» [27, с. 226]. Но независимо от того, считался или нет Кульчицкий официальным редактором, его вклад в становление харьковской журналистики и особенно театральной критики трудно переоценить.

Родился Александр Яковлевич Кульчицкий в 1815 году (или в конце 1814) в Керчи, в семье штаб-лекаря Черноморского флота, выходца из польской шляхты. О семье его нам ничего неизвестно, кроме того, что у него были брат и сестра. О брате упоминает в одном из писем В. Г. Белинский [8, т. 3, с. 140], а сестре, Елизавете Яковлевне Кульчицкой, посвящена повесть «Воспоминание юности», включенная в альманах «Надежда». Начальное образование Александр получил в Слободско-Украинской гимназии, которую окончил в 1832 году [11, с. 181]. Следует заметить, что старейшая в городе гимназия гордилась своими выпускниками и тщательно собирала сведения об их дальнейшем жизненном пути. В «Биографическом словаре бывших питомцев Первой Харьковской гимназии...», составленном Н. А. Чекановым, содержится подробный перечень произведений А. Я. Кульчицкого.

В 1837 году Кульчицкий окончил юридический факультет Харьковского университета со степенью кандидата и поступил на службу в Харьковское губернское правление.

Однако с самого начала молодого человека привлекала литература. Еще в 1836 году, будучи студентом, он издал альма

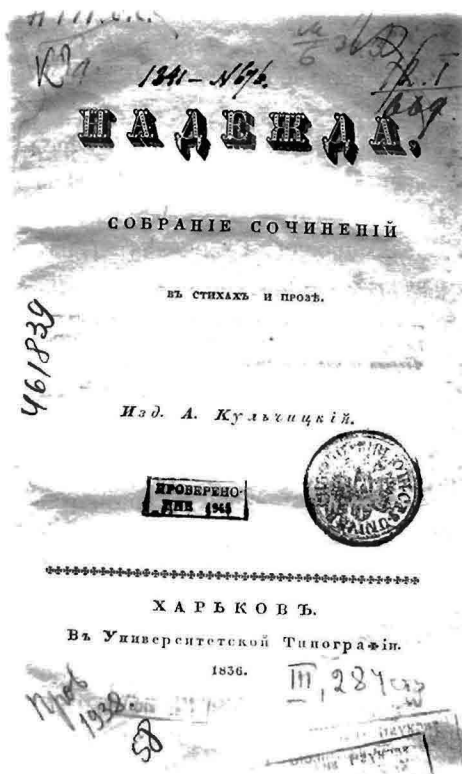
стихи студента медицинского факультета П. Редкина.

Большой рассказ, или скорее повесть Кульчицкого «Воспоминания юности» (1834) носит явно автобиографический характер. Это сентиментальная любовная история в приподнято-романтичес

Харьковская журналистика конца 30-х — начала 40-х годов XIX века была связана с единственной городской газетой — «Харьковскими губернскими ведомостями». Это был орган местной власти, находившийся под наблюдением губернатора

нах «Надежда», куда вошли стихи и проза самого Кульчицкого, а также произведения других

ком стиле: «Где найду я вам слов, чтобы передать все тайные ощущения души моей, постепенно переходящие от слабых к сильнейшим?.. Где слова, чтобы выразить вам — сперва мое удивление, потом очарование и тихое блаженство сердца, при рассматривании Катеньки?.. Эти томные, большие, черные глаза, эти темные волосы, так гладко прильнувшие к милой головке, эти уста, в которых, кажется, видна улыбка неба, и потом — этот стан, эта поступь, движения, голос...» [15, с. 10]. И еще страниц восемьдесят в подобном же духе: все преувеличено, маленькое событие (размолвка влюбленных) поднято на небывалую высоту и заканчивается трагически — смертью героини. Очерки «День у моря», «Чатырдаг» и «Феодосия», также датированы 1834 годом: видимо, отец Кульчицкого продолжал служить на флоте, и юноша проводил каникулы у родителей в Крыму. Очерки написаны таким же высоким слогом и почти не содержат примет

Титульный лист альманаха «Надежда»

харьковских поэтов, в частности отрывок из «Макбета» Шекспира в переводе Андрея Кронеберга,

конкретного места: «В двух верстах от меня, разбросанный по побережью, отепенный мраком холмов и гор, стоял у берега, будто очарованный замок, древний город Кафа, нынешняя Феодосия» [17, с. 269]. Очерк «День у моря» посвящен И. Дзюбишу — соученику А. Кульчицкого по гимназии, а затем и по юридическому факультету университета.

Стихи же Кульчицкого подражательны и ничем не выделяются из общего литературного потока. В журнале «Молодик» (№ 1 за 1843 год), издаваемом И. Е. Бецким, помещены его достаточно вольные переводы двух стихотворений И. В. Гёте «Первая встреча» («Кто ворочит упоенье...»), «Ночная песнь путника» («Ты, который с тех высот...»). Отметим, что Кульчицкий верно чувствовал настроение оригинала и по мере возможности соблюдал стихотворный размер.

Издание «Надежды» и участие в «Молодики» сблизили Кульчицкого с писателями Е. П. Гребенкой и Г. Ф. Квиткой-Основьяненко (последний даже рекомендовал молодого автора в 1840 году изданию петербургского журнала «Современник»

и конце 30-х годов. Центром его была семья Кроненбергов. Глава семьи, профессор и ректор Харьковского университета Иван Яковлевич Кроненберг (1788–1838) был известным философом и историком литературы, перенисывался с Боткиным и Белинским. [10, с. 172]. В кружок входили также сын Кроненберга Андрей

В. Г. Белинский. Литография с оригинала К. Горбунова. 1943 год

(1814?–1855), талантливый переводчик Шекспира, его сестра Софья Ивановна Кроненберг, Александр Владимирович Станкевич (брат известного общественного деятеля,

В 1840 году в Харькове побывал друг Белинского, писатель В. П. Боткин. Он посетил семейство Кроненбергов и познакомился с членами кружка. Именно через него Кульчицкий передал первое письмо Белинскому (от 28 января 1840 года), написанное под влиянием статей в «Отечественных записках» и исполненное восторженного благоговения. В частности, там был такой пассаж с обращением к Белинскому в третьем лице: «Виссарион Григорьевич столь добр и великодушен, что он поймет, как должно довольно невинное желание некоего провинциала — ближе познакомиться с тем человеком, которого давно привык он любить и уважать...» [10, с. 151]. Постепенно завязалась переписка: полетели письма из Харькова (сначала с Московской улицы, а затем — из дома в «Рымаровском переулке», то есть — на ул. Рымарской) в Петербург. Белинский замечал: «В Ваших письмах столько юмору, столько неподдельного, милого и добродушного остроумия, что день получения от Вас письма для всякого был бы счастливым днем» [8, т. 2, с. 156]. Действительно, послания Кульчицкого полны юмористических и сатирических зарисовок с натуры. Так, в письме от 21 октября 1841 года он в шутку предлагает Белинскому хлопотать для него о «теплом местечке» в Харькове: «Может быть, когда-нибудь Вам придется искать в здешних местах местечка или должности: я могу порекомендовать, и многого не обещаю, смело уверяю, что письмоводителем при какой-либо части легко примут. Жалованье порядочное и казенные дрова. Солдат будет служить вместо лакея, которые здесь все пьяницы и подозрительного поведения. Жена его, буде женат, может варить и стирать, а по нужде и другое кое-что. Дети будут пазы-

Издание «Надежды» и участие в «Молодики» сблизили Кульчицкого с писателями Е. П. Гребенкой и Г. Ф. Квиткой-Основьяненко

Н. А. Плетневу). А в «ХГВ» за 1841 год была опубликована «История театра в Харькове», написанная Квиткой.

Литературно одаренный молодой человек нашел единомышленников и в кружке университетской молодежи, сложившемся в Харькове

публициста и философа Николая Владимировича Станкевича), А. Данилов, публиковавший иногда под псевдонимом Wold Wolin или под инициалами W. W. статьи о спектаклях харьковского театра в петербургском журнале «Репертуар и Палтеон».

вать Вас тятей, а кто побольше, почистит сапоги. Впрочем, сия последняя издержка даже, при всеобщем потреблении дегтя, излишня. Попадется так, что из бессрочных многие умеют портняжества и чеботарства. И тогда Ваши расходы еще уменьшатся. Подумайте об этом обстоятельнее и меня уведомьте с первой почтой...» [10, с. 164]. Как видим, зарисовки с натуры точны, характеристики метки и порой убийственны, и все это мало напоминает высокий романтический стиль ранней прозы того же автора. В единственном дошедшем до нас письме к Кульчицкому от 3 сентября 1840 года критик писал: «Чтобы Вам приняться за юмористические статьи — рисовать провинциальные нравы? Заранее смеюсь от одной мысли об этом, судя по вашим письмам. Принимайтесь-ка с Богом! Знаете — русские типы — помещик, помещица, семинарист, советник палаты, профессор, студент, и пр. и пр.» [8, т. 2, с. 157]. Недаром Белинский считал, что именно в реалистических бытовых очерках в духе Гоголя и заключается призвание молодого автора (а вовсе не в серьезных стихах и прозе). Впрочем, Кульчицкому и самому часто не нравились собственные лирические опыты. Об этом пишет в письме Белинскому и А. Кронебергу от 16 декабря 1840 года: «Кульчицкий все переводит Гейне; пишет кое-что и свое, но немедленно рвет, несмотря на то, что я доказываю ему, как это глупо» [10, с. 126].

Личное знакомство с Белинским состоялось в 1841 году, когда Кульчицкий вместе с А. Кронебергом побывал в Петербурге. Вскоре после встречи Белинский в письме к Боткину от 8 сентября 1841 года отзывался о нем так: «Прекрасный человек — я полюбил его от души. Он не глубок и не далек; но дай Бог побольше таких людей. Он человек — этого довольно, чтобы любить его» [8, т. 2, с. 270]. Несколько

критический отзыв Белинского связан вероятнее всего с тем, что и в

письмах, и при беседе Кульчицкий отчаянно стеснялся, боялся показаться навязчивым, а оттого иногда попросту валял дурака.

Из писем к Белинскому видно было, что служба Кульчицкого не удовлетворяла, юриспруденция как наука его тоже не прельщала, а атмосфера провинциального города казалась гнетущей и разлагающей. В то время в городе была всего одна

хорошенькие дамы в бельэтаже и недурные актрисы за кулисами: знаете, этак заманчиво; но — скажу по секрету, и это уж начинает надоедать...», — писал А. Я. Кульчицкий в письме к Белинскому от 13 сентября 1841 года [8, с. 130].

В то время в репертуар харьковского театра входили такие пьесы, как «Ревизор» и «Женитьба» Гоголя, «Горе от ума» Грибоедова, «Гамлет», «Король Лир», «Отелло», «Ромео и Юлия», «Кориолан», «Макбет» Шекспира (последняя — в переводе А. Кронеберга), «Разбойники» и «Коварство и любовь» Шиллера, «Скупой» Мольера, комедия

Белинский считал, что именно в реалистических бытовых очерках в духе Гоголя и заключается призвание молодого Кульчицкого (а вовсе не в серьезных стихах и прозе)

газета, притом официальная, а журналы и альманахи («Синь», «Молодик») выходили от случая к случаю. Поэтому молодые чиновники проводили свободное время в основном за картами и вином.

Единственным утешением и отдушиной был для Кульчицкого театр. И с Белинским его связывала, кроме литературных интересов, любовь к театру. Из писем Кульчицкого видно, что их кружок был тесно связан с театром Млотковского, в то время — лучшим из русских провинциальных театров. «У нас открыли новый театр, каменный, очень nicely отделанный: это заняло меня на первых порах. Я совершенно отдался удовольствию и имел причину: интересы наши по этой части очень близки нам: наш кружок в театре свой. Советы, статьи, часто распределение ролей или назначение пьес —

Гольдони «Хозяйка гостиницы», пьеса в немецкой переработке под названием «Мирандоллина», инсценировки произведений Пушкина «Цыгань», «Барышня-крестьянка». Из украинских пьес с неизменным успехом шли «Паталка Полтавка» Котляревского, «Шельменко-денщик», «Сватанье на Гончаровке», и «Бой-жизнь» Квитки-Основьяненко. Как и на императорской сцене, львиную долю в репертуаре составляли французские мелодрамы (и русские подражания им), а также русские и переводные водевили. Александр Кульчицкий вел театральную летопись на страницах «Харьковских губернских ведомостей», подписываясь псевдонимом А. К.

В статьях Кульчицкого ощущимо влияние эстетики Белинского, который ратовал за утверждение русского национального театра,

за создание реалистического репертуара и демократизацию актерского творчества. В статьях «И мое мнение об игре г. Каратыгина», «Гамлет», драма Шекспира. Мочалов в роли Гамлета» и многих других Белинский не только анализировал пьесу, спектакль в целом или игру актеров, но и ставил широкие театральные-эстетические проблемы, делал важные выводы о законах драматургии, об особенностях исполнительского мастерства. Он полагал, что театр должен очищать и облагораживать человека. Критикуя современное состояние сценического искусства, Белинский утверждал, что уровень и характер репертуара не позволяют театру стать средством воспитания и просвещения народа. Критик ставил также вопросы о самостоятельности творчества актера, о взаимосвязи его работы с идеей автора. В своих рецензиях критик раскрывал связь театра, спектакля, любого явления искусства с социальной и политической проблематикой времени.

Кроме идей Белинского, во многих рецензиях Кульчицкого чувствуется связь с немецким

философ и историк литературы И. Я. Кронеберг. В статьях харьковских критиков встречаются даже прямые ссылки на него. Так,

Л. И. Млотковская

в рецензии на спектакль «Отец и кум, или Тайна рождения» Рымов (А. Барымов) писал об игре Млотковской, которая исполнила роль сироты Полины, внезапно узнавшей, что крестный, в которого она влюблена, на самом деле — ее

и кума», умела прочесть не только то, что заключалось в ее роли, но и то, что (выражаясь словами покойного профессора Кронеберга) было за ними и между ними, и все это передать художнически» [26, с. 263]. Кронеберг повторял и развивал мысль, что искусство самодовлеющее и автономно, причем прекрасное в искусстве выше прекрасного в жизни. Шекспир для И. Кронеберга — единственный и неповторимый драматург, творчество которого органично, как сама природа.

Кульчицкий также видел цель искусства в очищении и укреплении нравственности человека. Так, отвечая на вопрос, надо ли ставить Шекспира на провинциальной сцене, он писал: «В самом дурном выполнении шекспировой драмы зритель, какого бы он состояния ни был, всегда найдет обильную пищу своему уму и сердцу» [5, с. 180]. Критик утверждал, что истинное актерское искусство состоит в максимальной верности «природе», в простоте и естественности исполнения. В то время на сцене бытовала уже изжившая себя так называемая «французская» манера игры, то есть вульгарный классицизм. Поэтому А. Кульчицкий, отмечая достоинства труппы Млотковского, писал, что в других труппах «еще вполне сохранились те площадные фарсы, то гаерство, то трагический вой и лакейское геройство, которые делают сцену позорищем, достойным сострадания» [7, с. 29].

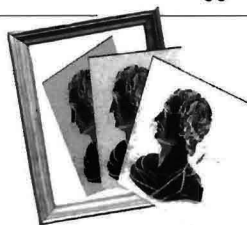
Вслед за Гоголем и Белинским Кульчицкий выступил против заповоливших русскую сцену французских драм и водевилей [2]. Он призывал русских драматургов показывать на сцене национальную жизнь, но в очищенном, облагороженном виде, с изображением возвышенных страстей, героических событий и трогательных сюжетов.

По мнению критика, простота и естественность на сцене, глубокое

В статьях Кульчицкого ощутимо влияние эстетики Белинского, который ратовал за утверждение русского национального театра, за создание реалистического репертуара и демократизацию актерского творчества

романтизм, характерная для философской и филологической школы Харьковского университета. Заметное влияние на харьковскую театральную критику оказал профессор и ректор университета,

родной отец: «Артистка вполне постигла Полину, это милое, доброе, любящее создание, разгадала все тайны ее нежного сердца, умела дополнить то, чего недоставало в Полине, созданной автором «Отца

понимание роли — залог успеха. Эту мысль он постоянно проводит и говоря о выступлениях корифеев, и давая советы начинающим артистам. Образцом естественности на сцене Кульчицкий считал Л. И. Млотковскую и К. Т. Соленика, о котором писал, что у него всегда видна такая «непринужденность игры», что «невольно слабнешь и думаешь, что он говорит не роль, а свое» [5, с. 179]. Игра же другого известного актера, Н. Х. Рыбакова, по мнению Кульчицкого, была не лишена и некоторых недостатков: «...Несмотря на многие усовершенствования в жестикуляции, г. Рыбаков еще не чужд некоторым дурным привычек, столько общих всем трагическим актерам. Например, зачем так бить себя в грудь, зачем с таким стремлением и беспрерывно хватать других актеров за руки и проч... Все это может иметь эффект и даже истину, когда употребляется изредка, в местах, где оно выходит как бы само собой из пьесы... Пусть каждый актер заботится только о внутреннем верном и художественном развитии своей роли, наружный ее вид придет сам собою, и тогда всякая позиция, всякий жест будут грациозны, потому что будут естественны» [3, с. 381].

В статье «Харьковский театр» от 8 февраля 1841 года [4, с. 50–53] Кульчицкий критически высказывается о драме «Велизарий» Э. Шенка, сюжет которой основан на легенде о римском полководце Велизарии, ослепленном по приказу императора Юстиниана и вынужденном просить покаяния: «В этой драме нет никакой драмы. Главное ее лицо, Велизарий, есть лицо страдательное, а не действующее. Сначала он торжествует свою победу, а потом скитается без всякого дела в изгнании. То и другое не вытекает из его внутренней жизни,

и несколько не рисует нам лица, характера. Где же какая и и б у д ь страсть, бремя и победа (только, разумеется, не над вандалами)? Где драма? Поставьте на место Велизария кого угодно, последнего из его воинов... и мы не заметим подлога: так Велизарий безличен!» Кульчицкий полагал, что драма без конфликта не драма. Роль Велизария играл Рыбаков. В тот раз он был явно не в ударе, и ре-

П. С. Мочалов

цензент беспристрастно отметил это: Рыбаков не знал роли, «читал ее сухо, безжизненно, нараспев, кое-где эффектировал и утрировал, и вообще не выказал и половины своих дарований» [4, с. 51]. В этой же пьесе играл роль сына Велизария Аламира молодой актер Буцкий, которого Кульчицкий особо похвалил за то, что он работал «без трагических замашек, которые отличают плохих трагических актеров». Критик обращается к молодому артисту: «Советуем ему больше и больше обдумывать каждую роль свою, стараться изучить малейшие ее оттенки, и быть как можно осмотрительнее

в употреблении жестов и позиций. Простота и естественность, при понимании роли, лучшие руководители к успеху» [4, с. 52].

Из писем Кульчицкого к Бедяевскому мы видим, что даже лучшие актеры харьковской труппы не всегда удовлетворяли его требованиям: «Ни в ком, ох право, ни в ком из действующих лиц нашей Талии и Мельпомены нет прямого художнического стремления к искусству, хотя есть актер: и актрисы с талантами! Одни Соленик поглощает бездну комизма; но и он больше думает об испанских делах, чем об искусстве. А ведь это жалко и обидно, это пагубяет такую тоску, что свету божьему не рад. Добро б еще Соленик пренебрегал своими дарованиями, человек без образования; а то и лучшие люди пропадают здесь, не замечая своей гибели» [10, с. 130].

Перу Кульчицкого принадлежит первое и, очевидно, единственное упоминание о театральной школе, основанной антрепренером Млотковским. В статье «О детском спектакле в Харьковском театре», напечатанной в «Прибавлениях к ХГВ» [1, с. 149–150], Кульчицкий пишет о публичном представлении, которое дали юные воспитанники театральной школы. Были показаны отрывки из пьес. Кульчицкий всячески приветствует начинание Млотковского и надеется, что такие спектакли войдут в практику театра (к сожалению, эти надежды не оправдались и школа вскоре прекратила свое существование).

Кроме работ, помещенных на страницах ХГВ, нельзя не упомянуть о рецензиях Кульчицкого в различных изданиях: в «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду» и «Литературной газете», выходивших в Петербурге.

В августе 1839 года в Харьков приехал на гастроли Павел

Степанович Мочалов. Это был актер богатейшей интуиции, яркой творческой фантазии, бурной эмоциональности. Он создавал романтически-обобщенные образы

виш, во всей сцене с умирающим Михаилом Скопным, Мочалов был хорош, и очень-очень превосходил... И у меня вспыхнула душа. Да и как ей не вспыхнуть? Мы все

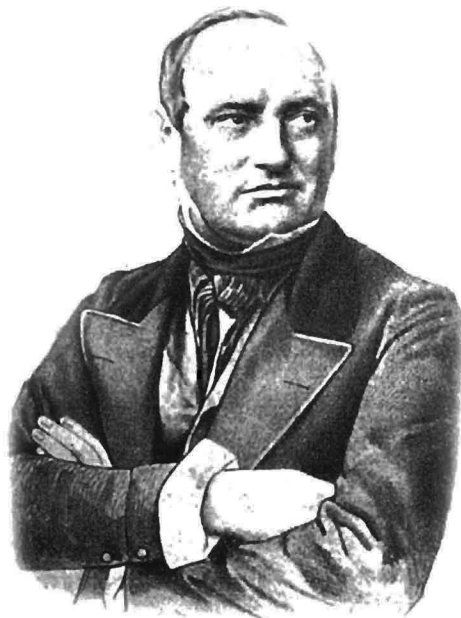
убийственное выражение лица...» [26, с. 261]. Кульчицкий сравнивает с Мочаловым местного трагика, Н. Х. Рыбакова. Казалось бы, начинающий актер должен был проигрывать в сравнении с маститым. Но Кульчицкий отмечает не только хорошие внешние данные Рыбакова, но и его стремление даже «незначительные роли», такие, как роль Болотникова в том же спектакле, играть «отчетливо и хорошо». Кульчицкий полагает, что, при всех недостатках, Рыбакова ожидает большое будущее: «Недостает ему в движениях живости, в голосе — игры и переделов, в выражениях — определенности, и сверх того, конечно, много и очень важного, чего не пересказать. Но пусть он, дорожа своими достоинствами, начнет образовывать себя серьезно и глубоко, пусть перестанет вести беспечную и рассеянную жизнь, будет строг к своим недостаткам и внимателен к замечаниям образованных людей — право, он может сделать из себя превосходного актера» [26, с. 264]. Второй спектакль, отрецензированный Кульчицким, — «Коварство и любовь» Шиллера. Здесь Мочалов играл Фердинанда «механически, безжизненно», и его работа была «ужасной пародией на Шиллера и все драматическое» [26, с. 265]. Равнодушным оставили критика и «Фрегат «Надежда» по повести А. Марлинского, и три спектакля по пьесам Полевого — «Иголкин, купец новгородский», «Уголино» и «Смерть и честь». Завершал гастроль «Гамлет» Шекспира. Кульчицкий подробно, сцену за сеной, разбирает работу Мочалова, позволяя нам реконструировать спектакль. При этом критик отмечает, что разные куски были сыграны с разной степенью достоверности и убедительности: например, во втором действии сцены с Полонием, Розенкранцем и Гильденстерном актер провел без воодушевления.

Кульчицкий выступил против заполонивших русскую сцену французских драм и водевилей. Он призывал русских драматургов показывать на сцене национальную жизнь, но в очищенном, облагороженном виде, с изображением возвышенных страстей, героических событий и трогательных сюжетов

страстных бунтарей, выступающих против бесправия и пошлости окружающего мира. Но при этом он работал неровно, его игре были присущи взлеты и падения.

Во время этих гастролей в полной мере проявились и достоинства, и недостатки игры Мочалова. В «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду»» была напечатана без подписи обширная статья, посвященная харьковским гастролям Мочалова. М. Н. Ласкина в книге о Мочалове указывает на авторство Кульчицкого [18, с. 311–324]. Он описывает свои впечатления от десяти спектаклей. В драме Н. Кукольника «Михаил Васильевич Скопин-Шуйский», посвященной событиям времен недолгого царствования Василия Шуйского, Мочалов играл роль заговорщика Ляпунова, выступавшего против тирании царя и засилья иноземцев. Он подвергся критике только в последнем действии, где верно понял и выразил черты национального русского характера: «В четвертом дей-

русские, а Мочалов так хорошо, так верно выразил эту прямодушную, горячую любовь русского сердца, эту крепкую привязанность к доблестному князю, эту благородную

П. И. Григорьев

память за его добро... И как вырос Мочалов, как переменялся, какая величественная осанка, какой взгляд, голос, и это горестное,

Но это отчасти искупила прекрасно сыгранная сцена с актерами: «В хаосе души несчастного Гамлета, который рад был, что на первый раз мог укрыться под видом безумия, начинает теперь возникать какой-то умысел, намерение, что-то такое, к чему он может прибегнуть, как к доказательству очевидному, а может быть, и спасению...» [26, с. 275–276]. Говоря о взлетах и падениях Мочалова, Кульчицкий не без обиды замечал, что «Мочалов позволял себе на нашей сцене некоторые вольности, сокращения, перемены — словом, делал что угодно, и тем вредил только самому себе» [26, с. 279]. Критика восхитило исполнение Млотковской роли Офелии: «Всю сцену с Гамлетом в 3-м действии она играла прекрасно. Но в 4-м действии роль сумасшедшей она выполняет с таким искусством, что, право, никак нельзя удержаться от слез при взгляде на это кроткое, бледное, печальное лицо, на эти глаза, в которых светится еще невинная, глубоколюбящая душа — и, вы, — огонь безумия... Как она говорит со своими цветами, приглубливает их, поет песни о милом друге, об отце, которого схоронили с непокрытым лицом. И во всем этом столько детской прелести, столько ангельской кротости...» [26, с. 284].

По контрасту с «Гамлетом» «Отелло» в переделке Дюсиса, представленный на харьковской сцене, вызвал неподдельный гнев Кульчицкого: «Эту несчастнейшую трагедию мне довелось видеть в первый раз. Молю бога, чтоб это было и в последний. Сначала я проклинал всю французскую нацию, и классицизм, и блистательный век французских пошлостей, — словом, все на свете французское» [26, с. 283]. Но затем критик перекладывает ответственность за исковерканного Шекспира на плечи Мочалова, полагая, что столичному актеру не при-

стало играть в такой пьесе.

В «Литературной газете» (1840, № № 6, 8)

были напечатаны, также без подписи, две статьи Кульчицкого под названием «Провинциальные театры в России. Харьковский театр», в которых критик вновь подробно анализирует работу актеров Л. И. Млотковской и Н. Х. Рыбакова. Авторство Кульчицкого установлено, в частности, и по переписке с Белинским. В письме

И. И. Панаев

от 25 сентября 1840 года Кульчицкий упоминает, кроме двух названных, статью «Провинциальные театры. Харьковский театр (приезд актера Григорьева)», опубликованную в «Литературной газете» (1840, № 53) по рекомендации Белинского [10, с. 152–154]. В этой статье говорилось, в частности, об актере и водевилисте П. И. Григорьеве 1-м, которого часть критиков ставила выше Мочалова. Кульчицкий резко критиковал водевильное, подчеркнуто развлекательное исполнение Григорьевым ролей в пьесах Грибоедова и Гоголя. Обидевшись, Григорьев вывел Кульчицкого в образе провинциального рецензента Вральничского в своем воде-

виле «Макар Алексеевич Губкин». Узнав об этом, Кульчицкий писал Белинскому от 28 сентября 1840 года, как всегда, слегка насмешничая: «Статья моя о Григорьеве была получена здесь без меня... По приезде я узнаю, что в первый раз в жизни «нажил себе врагов», что меня чрезвычайно заяло и утешило... Но занимательнее всего мне было читать письма Григорьева к Млотковскому и другим лицам, где он бранит меня на чем свет, и угрожает публично выставить меня в водевиле. При сем случае Кронеберг Андрей завидует мне, и просит, нельзя ли как-нибудь прилепить и его. Впрочем, я не думал, чтоб Григорьев был так детски раздражителен и мелочен, а то бы я поговорил о нем откровеннее...» [10, с. 154].

В то же время самого Кульчицкого возмущали необоснованные и поверхностные суждения некоторых столичных критиков о харьковском театре. Он писал Белинскому в том же письме от 28 сентября 1840 года: «Какой-то безбожный лжец оклеветал, в июльской книжке Пантеона, наших и без того горестных и нарочито злосчастных актеров, приписав им такие штуки, которых от сотворения мира не было на нашей сцене» [10, с. 156]. Имелась в виду статья Н. Мятлина, опубликованная в «Пантеоне русского и всех европейских театров» (1840, ч. 3), где прощически описывалась харьковская постановка «Гамлета» [10, с. 173].

Подобно многим пишущим юношам наш герой стремится в столицу. Об этом же пишет Белинскому и Кронеберг в письме: «Кульчицкий вам кланяется. Только и думает, как бы удрать в Питер. Признаюсь, меня тоже мучает эта мысль, да денег нет. А в здешней жизни нет никакого движения. Только театр по вечерам доставляет минуту какого-то буйного развлечения. На здешнюю сцену я не смотрю,

потому что знаю ее наизусть, а за кулисами — есть хорошенькие актрисы, и Кульчицкий изъясняет им Пушкина! — я придерживаюсь Баркова» [10, с. 134].

В 1842 году А. Я. Кульчицкий переехал в Петербург. Как пишет в своей монографии о Белинском М. Поляков, ссылаясь на третий том книги «Столетие военного министерства. 1802–1902» (СПб., 1909), 25 мая 1842 года Кульчицкий был зачислен секретарем в первое отделение Канцелярии Военного министерства [21, с. 333–334]. Он поселился на квартире с другом Белинского, переводчиком Н. Н. Тютчевым на Михайловской площади в доме Жербина (ныне — Площадь Искусств). В своих мемуарах Тютчев писал о нем: «Сперва я жил один, по весною 1842 г. познакомился со мною приехавший в Петербург, бывший редактор Харьковских губернских ведомостей Александр Яковлевич Кульчицкий. Он имел рекоменда-

цию легким юмором, но талант его был слишком незаметен, и чувство бессилия составляло мучительное его жилище. Он вообще расположен был к ипохондрии, харьковская среда не удовлет-

Иллюстрации к рассказу «Омнибус», помещенные в сборнике «Физиология Петербурга»

тельные письма ко мне к некоторым другим лицам. То был человек с организмом нервным и болезненным, по природе своей в высшей степени впечатлительный, во время болезненных припадков склонный к раздражению, но притом самого честного нравственного направления, в умственном отношении идеалист и романтик. Он имел влечение к литературным занятиям, был

Споры о политике и литературе перемежались остроумными и шутками. Иногда играли в карты. Об этом вспоминал позднее философ, правовед и общественный деятель К. Д. Кавелин, вскоре поселившийся на этой же квартире: «Как только приходил Белинский после обеда — тотчас же начиналась игра в карты, копейная, по которой занимала и водила его до смеш-

ного. Запгрывались мы зачастую до бела дня. Тютчев играл спокойно и с переменным счастьем; я вечно проигрывал; Кульчицкому счастье валило всегда чертовское, и он играл отлично. Белинский шлепал лапти, горячился, ремизился и редко оканчивал вечер без проигрыша. На этих-то карточных вечерах, увеселительных для кружка брошюрой Кульчицкого «Некоторые великие и полезные истины об игре в преферанс», изданной под псевдонимом кандидата Ремизова, проходили те сцены великого комизма, которые часто приводили в негодование Тютчева, забавляли друзей, а меня приводили в глубокое умиление и еще больше привязывали к Белинскому» [13, с. 90]. Книга «Некоторые великие и полезные истины об игре в преферанс, заимствованные из разных древних и новейших писателей» увидела свет в 1843 году. Белинский одобительно отзывался о ней в «Отечественных записках». А позднее отрывки из нее перепечатал Н. О. Лернер в статье «Эпизод из жизни Белинского» [19, с. 200–210].

В 1842–1843 годах Кульчицкий часто посещал «субботы» И. И. Панаева в доме Лопатина у Аничкова моста. В этом же доме жил тогда и Белинский, который так привязался к Кульчицкому, что даже именвал его ласково «Кульчиком». В письме к В. И. Боткину от 17 марта 1842 года Белинский писал: «Кульчик славный мальчик; с ним как-то болтаешься; он очень

портрет

тепл и задушевен. Многое смешно понимает, но это провинциализм; многого глубоко и никогда не постигнет, но это от бедности натуры в демонских элементах... Во всяком случае, его нельзя не любить» [8, т. 2, с. 286]. В 1843 году Кульчицкий был свидетелем со стороны невесты на венчании Белинского с М. В. Орловой.

В это время Кульчицкий успешно публиковал в журнале «Отечественные записки» свои стихи и переводы из Гейне (1840, № 12; 1841, № 10; 1842, № 5; 1845, № 5), а также — под псевдонимом «Говорилин» — повесть «Необыкновенный поединок» (1845, № 3). На страницах «Литературной газеты» появились его очерки «Дагерротип» и «Омнибус». Последний был перепечатан в 1845 году во второй части сборника «Физиология Петербурга», изданном Н. А. Некрасовым. Известный литературовед В. И. Кулешов отмечал в послесловии к переизданию этого сборника в серии «Литературные памятники»: «Омнибус» А. Я. Кульчицкого (псевдоним Говорилин) производит впечатление слабого произведения, но все же, по словам Белинского, это «верный список случая, не лишённого занимательности»; в нём юмористически описываются уличные взгляды Петербурга, столкновение в непривычных условиях езды общественным транспортом, когда в толчее все смешалось, не щадят ни чинов, ни званий, вскрывается масса странностей в характерах людей, за минуту до того никак не соприкасавшихся в жизни...» [25, с. 234]. Поскольку в то время безнаказанно высмеивать нельзя было в столице даже будочников, Кульчицкий сделал специальное примечание, чтобы отвести возможные придирки цензуры: «Статья эта писана давно, тотчас по открытии в Петербурге первого омнибуса, в котором, как во всякой первоначальной попытке, были некоторые

неудобства, — потому наметок на эти неудобства не должны принимать

на свой счет нынешние петербургские омнибусы, которые устроены прекрасно и вообще одно из полезнейших нововведений в Петербурге» [25, с. 148]. Очерк, который выстроен как небольшая пьеска, далек от вскрытия «язв общества», но зато очень наглядно демонстрирует извечное русское «транспортное» хамство: сначала кондуктор заставляет пассажиров ждать, пока лошадей напоят и запрягут, затем, уже во время езды, над ними куражится пьяный сапожник. Сцена всеобщей перебранки до боли

«Омнибус» для нас все-таки много лучше множества произведений с изображениями великих и колоссальных предметов...» [9, с. 474].

К числу лучших произведений Кульчицкого относится повесть «Необыкновенный поединок» («Отеч. записки», 1845, № 3–4). Здесь он остроумно высмеивает шаблоны романтической повести. Герои — обитатели маленького провинциального городка, увлеченные романами Бестужева-Марлинского, Полевого и Кукольника. Попытки двух незадачливых студентов — Василия Мошкина и Гусаковского — жить «как в романах», например, устроить дуэль из-за прекрасной дамы, оканчиваются конфузом. В конце автор приводит ядовитую притчу о провинциальном сочинителе, который

В 1842 году А. Я. Кульчицкий переехал в Петербург. Он поселился на квартире с другом Белинского, переводчиком Н. Н. Тютчевым на Михайловской площади. Здесь почти каждый вечер собирались В. Г. Белинский, И. И. Панаев, М. А. Щепкин, И. И. Маслов, И. С. Тургенев

напоминает современную поездку в городском транспорте в «час пик», поэтому очерк Кульчицкого, к сожалению, не утратил актуальности. Его достоинства отмечал и Белинский: «Омнибус» г. Кульчицкого (Говорилина) — статья совершенно дагерротипическая, верный список с случая, не лишенный занимательности... Может быть, в этом отношении г. Кульчицкий и погрел немного против вкуса в своем «Омнибусе»; но все-таки его куцез-борода и его герой очень похожи на действительных людей этого разряда, — и потому

сумел довести собственного редактора до самоубийства: «Словом, Розанов писал обо всем и сам удивлялся, откуда у него берется ум, познания, красноречие... Между тем как Семён Ильич наводнял небывалый город своими сочинениями, в жителях его стал пробуждаться дух сомнения: точно ли эти сочинения такого рода, что им надо удивляться, или напротив?.. Незавидно также было положение Михайлова. Розанов не мог без него жить и по-прежнему не выпускал в свет ни одной статьи, не разобрав ее «критически» с Григорием Андреевичем.

Молодой человек страшно изменился: из здорового, крепкого юноши он сделался скелетом; щеки его затянулись, глаза впали. Почти каждый день присылал за ним Розанов, и робкий молодой человек ни разу не имел силы отказаться» [16, с. 257]. В облике молодого человека, призванного исправлять рукописи своего благодетеля, явственно просматриваются автобиографические черты — Кульчицкий, без сомнения, пишет на основе собственного горького редакторского опыта!

Жить исключительно литературным трудом в то время в столице могли немногие. Кульчицкий был вынужден совмещать занятия литературой со службой. Нагрузка оказалась непосильной, и вскоре

после приезда в Петербург он заболел (видимо, сырой петербургский климат был ему противопоказан). Кульчицкий поначалу не обращал внимания на постоянную лихорадку и кашель. А затем уже было поздно: скоротечная чахотка свела его в могилу 7 (19) апреля 1845 года. Он упокоился на Литераторских мостках Волкова кладбища (там поначалу хоронили небогатых людей). Белинский пережил своего друга всего на четыре года. Их могилы находились рядом. Но, как писал в «Петербургских письмах» В. Гаршин, уже к началу 80-х могила Кульчицкого оказалась заброшенной, и затем на этом месте был похоронен некий студент Чернышов [12, с. 340].

Так окончил свои дни Александр Яковлевич Кульчицкий, чей вклад в историю харьковской журналистики, да и вообще культуры нашего города донные хранят пожелтевшие страницы «Харьковских губернских ведомостей».

ЛИТЕРАТУРА

1. А. К. О детском спектакле в Харьковском театре // Прибавления к ХГВ. — 1840. — № 16. — С. 149–150.
2. А. К. Харьковский театр // Прибавления к ХГВ. — 1840. — 18 мая (№ 19). — С. 174–177.
3. А. К. Харьковский театр // Прибавления к ХГВ. — 1840. — 2 нояб. (№ 43). — С. 380–381.
4. А. К. Харьковский театр // Прибавления к ХГВ. — 1841. — 8 февр. (№ 6). — С. 50–53.
5. А. К. Харьковский театр // Прибавления к ХГВ. — 1841. — 17 мая (№ 19). — С. 177–180.
6. А. К. Харьковский театр // Прибавления к ХГВ. — 1841. — 24 мая (№ 20). — С. 189–190.
7. А. К. Харьковский театр // Прибавления к ХГВ. — 1842. — 24 янв. (№ 4). — С. 27–29.
8. Белинский В. Г. Письма: В 3 т. Т. 1. — СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1914.
9. Белинский В. Г. [Рецензии, июль 1845 г.]: 39. Физиология Петербурга, составленная из трудов русских литераторов... // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. — М., 1955. — Т. 9. — С. 214–221.
10. В. Г. Белинский и его корреспонденты / Под ред. Н. Л. Бродского. — М., 1947. — 314 с.
11. Биографический словарь бывших питомцев Первой Харьковской гимназии за истекшее столетие. 1805–1905 / Сост. Н. А. Чеканов. — Х.: Русская типолитография, 1905. — 441, 26 с.
12. Гаршин В. Петербургские письма // Гаршин В. Сочинения. — М., 1983. — С. 332–343.
13. Кавелин К. Д. Воспоминания о В. Г. Белинском // Белинский в воспоминаниях современников. — М., 1948. — С. 84–97.
14. Клинин А. Повесть о забытой актрисе: Жизнь и творчество Любови Ивановны Млотковской. — М.: Искусство, 1968. — 248 с.
15. Кульчицкий А. Воспоминания юности: Рассказ // Надежда. — Х., 1836. — С. 3–94.
16. Кульчицкий А. Необыкновенный поединок // Русские повести 40–50-х годов XIX в. — М., 1952. — Т. 2. — С. 213–260.
17. Кульчицкий А. Феодосия: (Из путевых впечатлений) // Надежда. — Х., 1836. — С. 268–273.
18. Ласкина М. Н. П. С. Мочалов: Летопись жизни и творчества. — М.: Язык русской культуры, 2000. — 590 с.
19. Лернер Н. О. Эпизод из жизни Белинского // Русская старина. — 1908. — № 4. — С. 198–210.
20. Петровская И. Ф. Театральная критика в провинции // Очерки истории русской театральной критики: Конец XVIII – первая половина XIX века / Под ред. А. Я. Альтшуллера. — Л., 1975. — С. 346–362.
21. Поляков М. Виссарион Белинский: Личность – идеи – эпоха. — М.: Гослитиздат, 1960. — 599 с.
22. Рымов. Театр: Бенефис г-жи Млотковской // ХГВ. — 1848. — 6 нояб. (№ 44). — Прибавл. — С. 260–264.
23. Тютчев Н. Н. Мое знакомство с В. Г. Белинским // Белинский В. Г. Письма: В 3 т. — СПб., 1914. — Т. 3. — С. 444–451.
24. Українська преса у фондi ХДБ ім. В. Г. Короленка: Друк. кат.: Вип. 1. Газети (1817–1923) / Уклад.: Л. Ф. Бондаренко, Т. О. Сосновська. — Х., 1999. — 103 с.
25. Физиология Петербурга / Изд. подгот. В. И. Кулешов. — М.: Наука, 1991. — 283 с.
26. Харьковский театр и Мочалов на Харьковской сцене // Павел Степанович Мочалов. — М., 1953. — С. 260–286. — Без подписи.
27. Ходанен Л. А. Кульчицкий Александр Яковлевич // Русские писатели: Биограф. словарь. 1800–1917. — М., 1994. — Т. 3. — С. 226–227.